

Дорога
к мечте

Елена Нестерина

Только для девочек

Елена Нестерина

Дорога к мечте

«Елена Нестерина»

2013

Нестерина Е. В.

Дорога к мечте / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,
2013 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-63673-0

Раньше Граня никогда не обманывала маму. Она вообще делала все, что та просила: участвовала в опросах, заполняла анкеты, которые мама клала ей на стол, читала книги, которые та приносила и настоятельно рекомендовала прочитать и оценить. Гране даже льстило то, что мама – известный критик детской литературы – прислушивается к ее мнению. Но все когда-то случается в первый раз. И вот девушка вынуждена тайком отправиться на кастинг певцов в новый мюзикл. А как иначе, если мама всегда терпеть не могла всю эту попсу?

ISBN 978-5-699-63673-0

© Нестерина Е. В., 2013
© Елена Нестерина, 2013

Содержание

Глава 1. Грушенька-нельзякушенька	6
Глава 2. Ну не шмогла я, не шмогла!..	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Нестерина

Дорога к мечте

©Нестерина Е., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Грушенька-нельзяскушенька

Вечер. Вся семья в сборе: вот папа – пусть виртуально, на экране планшета, но всё-таки присутствует в доме. Сейчас он беззвучно шевелит губами (потому что в девайс воткнуты наушники) – папусик снова участвует в телепередаче. Вот мама (её не видно, из глубин квартиры слышится её звонкий голос) – у неё сегодня домашняя тусовка её друзей – литературных критиков и любимых писателей.

А вот их общая дочка.

Да-да, вот она: Агриппина Градова (фамилия папина). Сидит в своей комнате. Перед ней на столе планшетник с папой и ноутбук с открытой интернет-страничкой самого дотошного поисковика. Агриппина довольна: наконец-то она нашла нужную информацию. Наконец-то! Нет, информацию не по папе – с ним-то девочке как раз всё ясно. Лично для себя.

Чик-чик – информация отправлена на печать, Агриппина хлопает крышкой ноутбука – надо теперь быстренько собраться, и вперёд! Но тут в комнату девочки входит мама. В руках у неё тоже какая-то распечатка.

– Граня, а можешь быстренько заполнить вот этот опросничек? – Мама выкладывает перед Агриппиной, которая даже не успела подняться со стула, лист бумаги с какой-то таблицей. – Давай, тут совсем мало. Постарайся для мамочки. Пять минут – и готово, хорошо? Я как раз через пять минуток вернусь.

Если бы это было в первый раз, Агриппина, конечно же, или удивилась бы, или заинтересовалась, или от неожиданности загнусила бы: «Не буду!» Но какой же тут «в первый раз» – ведь, едва научившись читать, эта девочка участвовала в литературных викторинах, опросах и тестированиях, у неё брали интервью, приглашали в детское жюри конкурсов, которые проводились среди всевозможных произведений детской литературы. То она из множества стихов выбирала самые поэтичные, то выискивала лучшую сказку, то романы и сборники рассказов оценивала. А всё почему – потому что мама её была критиком детской и подростковой литературы. Зачем привлекать к независимой экспертизе каких-то чужих незнакомых детей, если под боком есть свой ребёнок – весьма смыслённый и бойкий?

Папа, кстати, тоже был критиком. Но он критиковал литературу «взрослую». В смысле серьёзную, так называемую нетленку, открывал миру будущие шедевры и приклеивал к фамилиям писателей почётное звание «гений».

Вот и сейчас он на самом культурном канале в самой культурной передаче этого канала рассказывал о книжных новинках и своём к ним отношении. Глядя вслед удаляющейся маме, Агриппина, успевшая перевернуть папу экраном к стене и лишиться таким образом маму возможности увидеть его и лишиться раз расстроиться, с тяжким вздохом свезла листок со стола.

Да, папа у этой девочки был медийной личностью. А мама нет – хоть свою работу на ниве критического анализа современной литературы они начали одновременно. Поначалу им казалось, что папа прогадал – потому что просто литературу критиковали все кому не лень, тогда как мама выбрала правильную нишу, сконцентрировав удар на одной стратегической цели – книжках для детей. Никто в них особенно разбираться не стремился, так что мама старалась изо всех сил: печатала статью за статью в разных изданиях, громила новоиспечённых, но сразу понятно – стопроцентно бездарных отечественных писак, которые огромными тиражами шлёпали в коммерческих издательствах свои жалкие книжки, не имеющие отношения к высокому званию художественных произведений, хвалила безвестных, но очень талантливых авторов из глубинки, размышляла о проблемах современной русской детской литературы... Таким образом она не только создавала определённые мнения, формировала общественное сознание, нацеливая его на правильный путь осмысления того, что издадут у нас в стране для детей, но и нарабатывала связи, создавала себе имя.

Папа делал примерно то же самое, но чаще всё-таки весело тусовался с писателями, редакторами издательств, газет и журналов, с такими же, как и он сам, а также очень известными критиками – и как-то так обаял всех, очаровал – и своими точными оценками книжек и рукописей, и собственной харизмой... И в конечном итоге занял подобающее ему место: стал одним из непоколебимых столпов в этой области.

Мама не смогла дотянуться до папиных высот. Нет, она по-прежнему не сдавалась, её значимость в данном сегменте росла и росла. Но жить вместе родители Агриппины довольно быстро перестали, звёздный папа, получив развод и оставив маме её девичью фамилию (которая и так всегда была при ней – мама не меняла её, подписывая статьи именно так, как делала это ещё незамужней студенткой при публикации своих самых первых творений), съехал из квартиры. Дочь Агриппина трёх с половиной лет от роду осталась при маме. И, если хотела общаться со своим отцом, доставлялась к нему на новую жилплощадь. Дом, в котором погребло счастье и разрушилась семья, был для него теперь закрыт. Агриппина папашеньку любила – он был неунывающий, милый, весёлый, всегда на всё согласный, что бы доченька ни попросила. Просто плюшевый мишка, а не папа.

И маму любила. Из-за того, что мама до сих пор личность не медийная, старалась не переживать – потому что верила: в любой момент всё может измениться, мама ещё такая молодая. Любила-то маму, конечно, любила...

Но вот сейчас... Агриппина просто с ненавистью смотрела маме в спину. Только сейчас девочка осознала страшную правду: а ведь мама её далеко не красавица. В смысле фигуры. И факт, подтверждающий это, вот он, пожалуйста: удаляющаяся к двери мама, вид сзади. Узенькие плечики, тонкие ручки, талия – шире, чем плечики, стекающая в обширную попу, обтянутую вязанным сарафаном. И пусть сарафан был такого роскошного терракотового цвета, пусть купили его в магазинчике авторской одежды, пусть шит он наверняка в единственном экземпляре, было совершенно очевидно одно: маме он не шёл. Цинично выставлял напоказ все несовершенства фигуры. А что могло украсить мамину фигуру типа «груша», Агриппина даже представить себе не могла.

Но это мама – и это её, лично её фигура! Фигура взрослой женщины. Чего, казалось бы, переживать ей-то, Агриппине, девушке четырнадцати лет? Как – чего? Если Агриппина – дочка мамы, то значит... Значит, со временем она станет точно такой же!

Груша от груши недалеко падает...

В этом у девочки не было сомнений. Выскочив из-за стола, она подбежала к зеркальной дверце шкафа-купе и критически осмотрела себя. И вроде бы она видела своё отражение далеко не первый раз, но... Она ведь уже такая же груша, как мама! Уже даже выше ростом, а в остальном такая же, такая, такая! Без талии, с тяжёлой поступью и широкой пятой точкой, не жирная, конечно, но одна из самых крупных девушек в классе. И неизвестно, сколько мяса нарастёт на ней к окончанию школы – а уж дальше... Лучше даже не представлять. Потому что генетика, как поняла Агриппина, у неё ещё та! Если посмотреть внимательно на пышного папашеньку, который уже еле в экран влезает... Пухлый, круглый. Так что если у маменьки тип фигуры «груша», то у папеньки, сто процентов, – «яблоко». И ведь наверняка это тоже ещё не предел, со временем его ещё больше разнесёт, поесть и выпить Агриппинин папенька весьма большой охотник. Но для папы красота не принципиальна – папа не звезда футбола, и даже не артист. А интеллект, его главное преимущество, живёт в той части человеческого организма, которое не толстеет. В че-ре-пе...

Сочетались браком груша и яблоко, точнее, груша и пышный помидорчик – и вот вам результат. Родилась у них девочка-груша.

Груша Помидоровна.

Произнеся это вслух, Агриппина сделала заключение: шансов на стройность у неё нет.

Ах ты, груша, нельзя скушать... И как это Агриппина раньше этого не замечала? Почему её всё устраивало-то? Откуда такой позитив и спокойствие?

Да потому, что раньше Агриппине не было дела до собственной внешности. Нет, неправда, было, конечно, – она, например, покупала одежду только давно зарекомендовавших себя, исключительно бронебойно-качественных брендов *upreg-middle* класса. И пусть угнаться за девочками, родители у которых были очень богатые (дочь медийного лица училась в элитной школе – правда, попала она туда потому, что эта школа по счастливой случайности оказалась рядом с Агриппининым домом), она не могла – девочке этого было и не надо. У неё были свои критерии отбора – и она ими дорожила.

Но сейчас...

В принтере торчал листок с адресом, телефоном и схемой – как удобнее от станции метро пройти к некому ДК, в котором... В котором шёл кастинг в мюзикл! Настоящий профессиональный мюзикл, не какое-нибудь самодеятельное шоу.

Книжки книжками и конкурсы конкурсами, а Агриппина Градова, дочь одного из главных ценителей литературы земли русской, любила петь. И мечтала о сцене. Чтобы стоять в свете софитов, петь – и чтобы это у неё получалось великолепно! Агриппина пела дома, пела в школе и в музыкальной школе, которую в прошлом году уже окончила, тоже пела – пока там были занятия по хору и вокалу. Агриппине нравилось, как она поёт, подругам нравилось, учителям. Папа расплывался в улыбке, когда его девочка исполняла что-нибудь, – и только мама не придавала значения дочкиному увлечению. Она считала, что уметь играть на фортепиано и гитаре культурному человеку нужно, конечно, обязательно: чтобы подобрать аккомпанемент, гостей увлечь и развлечь, спеть с ними что-нибудь вроде «Качнётся купол неба...». Но и достаточно. Певичка – это не профессия. Только интеллектуальная деятельность, только работа мозга смогут сделать человека человеком. Так что читай, Граня, книжки, анализируй, запоминай, ориентируйся на получение серьёзного гуманитарного образования – и становись личностью!

Поэтому Граня не расстраивала маму. И папу – который в этом вопросе маму полностью поддерживал. С удовольствием читала классику и все книжные новинки, которыми снабжали её родители, на уровне со взрослыми могла поддержать серьёзную беседу, в литературном диспуте участвовать – одним словом, очень образованная была девочка. Отличница. Интеллектуалка. Не пустышка и не ханжа.

И, как стало теперь понятно, не красавица.

Да не возьмут её ни в какой мюзикл! Это ведь не хор имени Верёвки, где телеса исполнительниц спрятаны под необъятными сарафанами и где надо просто стоять единым поющим организмом. В мюзикле-то ещё и танцуют...

Танцевала Агриппиночка с удовольствием и драйвом, но вот как это будет выглядеть со сцены – никогда раньше не задумывалась...

И пусть кастинг, на который собиралась Агриппина, был не на главные роли, а всего лишь представлял собой добор в вокальную группу первого сопрано, девочка заволновалась и забегала. Надо переодеться! Надо измениться! Надо продемонстрировать себя в лучшем виде – себя, а не только своё прекрасное первое сопрано! По интерфейсу, как говорится, встречаются...

Агриппина принялась возить туда-сюда вешалки в шкафу. Дорогие, но блёклые хипстерские рубашки, свитерки и джинсики, однотипные платья в стиле «сафари», карлсоновые комбинезоны и похожие друг на друга пиджачки – всё, оказывается, такое заурядное, уныло-казуальное, а то, что парадное, – как на подбор, в бешеных рюшках или как будто из гардероба учительницы-ромашки.

Дя-я-я... День, когда ты вдруг видишь себя со стороны, – это день глобального стресса. День, когда жизнь меняется. Когда ты уже больше не можешь быть тем, кем был раньше. Но... Продолжаешь им быть – к своему безграничному ужасу.

Кастинг начнётся уже через сорок минут. Какая там очередь? Какие перспективы? Есть шанс успеть? Да и стоит ли вообще туда идти?

Агриппина Градова не привыкла сдаваться. Позитивное сознание и спокойная уверенность в себе – счастливые качества, которые смогли сформировать в её характере родители, – не позволяли впасть в депрессию.

Ну и какой от них тогда толк?

А такой, что они заставили девочку действовать!

Конечно!

Агриппина вылетела из своей комнаты, вихрем пронеслась по коридору, задев бедром и чуть не сбив с ног ледящего дяденьку, который, накурившись, двигался из кухни в гостиную, ворвалась в мамину комнату и прыгнула на весы. Мама-груша контролировала свой вес, фиксируя показатели в висящем на стене малюпусеньком блокнотике. Агриппина быстро пролистала его, отыскала последнюю запись.

Та-ак, с мамой всё ясно. И сейчас на экранчике весов высветится и её, Агриппинин, результат.

Сейчас-сейчас...

Дочь-грушка тоже должна узнать о себе правду.

Последний раз Агриппина взвешивалась полгода назад, в этой же комнате на этом же аппарате – просто ради интереса. С трудом вспомнив предыдущий результат и сравнив его с тем, который увидела сейчас, девочка слезла с весов... На три килограмма больше, чем в прошлый раз. И... На пять восемьсот пятьдесят (мама фиксировала свои результаты с точностью до грамма) больше, чем родная матушка! Вот это Груша! Вот это точно – нельзя скушать! Вернее, наоборот – людоеду-мясоеду как раз-таки найдётся, чем попить.

Это было грустно.

По меньшей мере...

Именно грустно Агриппина поплелась к себе. Это понятно, что она будет худеть, ясно, что не сдастся – но хорошо выглядеть надо ПРЯМО СЕЙЧАС! Несправедливо, чтобы из-за неудачной наследственности не исполнилась мечта.

Юбка-колокольчик! Летняя, на пышном чехле! А-ля телетётя Елена Малышева. Широкая, чуть ниже колена, автоматически формирующая талию. Отправлена за немодностью в расход – и, кажется, всё ещё ждёт своей очереди на выброс в кладовке. Найти её немедленно!

Пусть на кастинге думают, что Агриппина глупая и не соображает, что в летней юбке поздней осенью не ходят, но выглядеть со сцены она будет замечательно! Грушенька в костюме колокольчика – и поёт как соловей! Вернее, грушевидность никто как раз и не заметит!

...Агриппина искала упорно, Агриппина рылась в пакетах, которые мама собирала, раскладывая по принципу: «помойка» и «отправка родственникам в Крыжополь», Агриппина верила, искала и не сдавалась. И Агриппина нашла!

Включила утюг, разложила на ковре юбку – и в это время в комнату влетела мама. Взволнованная, деловитая.

– Граня, ну что? – в нетерпеливом ожидании подскочила она к дочке. – Заполнила?

Эх... Конечно, про мамину просьбу в вихре стремительных событий Агриппина-то и забыла...

Схватив листок, девочка бросилась читать то, что там написано. Утюг стоял на ковре, юбка ждала завершения процесса глажки...

«Какие проблемы современной жизни ты хотел бы видеть отражёнными в книгах для детей и подростков?» – было написано перед таблицей. – *Отметь в соответствии с важностью для тебя в баллах от 0 (проблема не значима абсолютно) – до 5 (проблема очень важна!*

Актуальна и насущна!».) И дальше была таблица, куда все эти баллы нужно было вписать напротив граф, где значились:

1. Ксенофобия.
2. Наркомания.
3. Судьбы приёмных детей и детдомовцев.
4. Проблемы инвалидов.
5. Последствия развода родителей.
6. Педофилия.
7. Проблема молодёжных субкультур.
8. Гомосексуализм.
9. Проблемы экологии и загрязнения окружающей среды.
10. Защита бездомных животных.
11. Патриотизм.
12. Веротерпимость».

Мама смотрела удивлёнными глазами.

И с недовольным выражением лица.

Да – с таким, как будто её обманули в лучших чувствах.

Облапошили...

И кто – родная дочь!

– Граня, ты... Ты ничего не сделала? – тихо начала мама, постепенно набирая обороты. – Я попросила тебя написать двенадцать цифр! Двенадцать – только и всего! Цифра – секунда, цифра – секунда, Граня! А ты... Что случилось, девочка?

Агрипина грустно посмотрела на маму. Поднялась на ноги, выхватила из карандашницы ручку, снова пробежала глазами текст. Но ничего вписать в таблицу не смогла. Хотя обычно моментально включалась в любое дело – и гордилась, что умеет быстро реагировать и имеет цепкий ум.

НЕ-ДО-Э-ТО-ГО. Совсем.

Правда.

– Ну, пиши же, что ты думаешь! – нетерпеливо сказала мама – ей очень хотелось причаститься с Агриппиной анкетой к своим коллегам, которые наверняка замерли в ожидании результата этого экспресс-опроса.

Агрипина вздохнула и честно ответила:

– Ну... Я ничего не думаю.

– Ка-а-ак?! Это же такие важные проблемы, Граня! – воскликнула мама, и её голос гневно зазвенел. – Ты не можешь ничего не думать по их поводу! И не хочешь ни одну из них видеть отражённой на страницах интересной повести или романа для вас, для подростков, тоже!

– Да, да... – согласно закивала Агрипина, скашивая взгляд на часы – и переводя этот взгляд на разложенную на полу юбку...

– И чем ты таким важным занимаешься-то?

Агрипина снова молча вздохнула. Говорить маме о кастинге было ни в коем случае нельзя! Это разочарует маму невероятным образом – а она ведь так гордится своей Граней-интеллектуалкой...

Но и врать не хотелось. Что остаётся? Только школа. Вечеринка, капустник, активная культурная жизнь после уроков. Ну конечно же!

– Ага, вижу... – Мама, понятное дело, тут же пригляделась к разложенной на ковре красоте. И утюг, вилка которого была вставлена в розетку, тоже заметила. – Удивительно важное дело, ну такое важное, что можно без зазрения совести проигнорировать мамочкину просьбу... Школьная самодеятельность, понимаю... Когда же тут думать о серьёзных проблемах...

– Мама, я... – начала Агриппина, но снова посмотрела на мамины пышные бёдра, обтянутые трикотажем, на тонкие ручки, трогательно торчащие из рукавов, на минимум бюста, тем же плотным трикотажем узкого сарафана придавленный к телу...

М-м-дя... Формат «песочные часы» при раздаче фигур населению проплыл мимо их семьи. Маму было жалко.

А столбик проблем, необходимых подростку для полноты ощущения мира, – нисколько! Время, на все эти переговоры тратится драгоценное время!

Агриппина бросилась к юбке, завозила по ней утюгом.

Мама не уходила.

– Игнорируешь просьбу? – Мама не могла поверить в происходящее.

– Мама, я не знаю. Не знаю, что ответить...

– Ты куда-то собралась?

– Да, мама.

– Я тебя чем-то обидела? – Мама очень тонко чувствовала настроение Агриппины. И, конечно же, быстро почувствовала и сегодняшнюю неприязнь.

Или – не неприязнь. А девочкино горе...

– Не обидела... – еле выговорила Агриппина. Еле выговорила – потому что соврала. Ведь обидела мама, обидела! Чем? Тем обидела, что была такая, такая...

Но сказать маме, КАКАЯ ИМЕННО она была – с этой своей фамильной фигурой... Какая-какая? Некрасивая, вот какая! Не могла Агриппина маме так сказать. Мама тоже не виновата.

Тут же вспомнилась бабушка – мамина мама. Ещё меньше ростом, ещё грушевиднее и шире. Груша от пра-груши тоже далеко отлететь не может... Дедушку Агриппина вспомнила – тоже мастер Груша, вверху уже, книзу шире, да ещё пальто и шляпу любит носить, усиливая дурное сходство с фруктом. Как стоворились просто, нашли друг друга... Во-о-от кто во всём виноват, во-о-от!

А папины родители? Также не красавцы, тоже виноваты. Дедушка – здоровенный, крупный, тяжёлый. Бабушку Агриппина никогда не видела, та умерла перед её рождением. Поэтому папа и назвал новорождённую в честь своей матери – Агриппина.

А...

А уменьшительно-ласкательно называл Агриппину папенька – да, Грушей! Так и матушку его величали! Ай-люли... Ну что тут поделаешь? Предопределение, судьба-с... Как вы яхту назовёте – такая фигура у неё и сформируется! Назвали бы не Грушей, а Розой – глядишь, всё у девочки выросло бы совсем иначе...

Мама, которой по вполне понятным причинам то, что связано с папой, было крайне неприятно, звала свою дочку как угодно – только не Грушей! Груней, Аграфеной, Граней – Граней в основном, конечно. Агриппина и сама себя так называла, и во внешней жизни так повелось – Граня и Граня. Такая вся гранёная-точёная, твёрдая в своих мнениях, как гранит. Грамотная, грациозная, грандиозная. Всё она – многогранная Граня!

Ан нет, зеркало предлагает другую версию – просто-напросто грушевидная гражданочка. Гру-у-устно грушей быть...

Но Граня по-прежнему не сдавалась. Никакая она не Груша! Сжав зубы, девочка молча одевалась. Мама смотрела, Граня одевалась, одевалась...

Но слёзы всё равно подкатывали. Обидно потому что было.

– Мама, как я выгляжу? – собираясь покинуть комнату, спросила Граня маму. Не спросить не могла – тем более что мама стояла у двери и загоразивала проход.

– Нормально ты выглядишь! – тут же откликнулась мама. – Только не по сезону. Водолазка – ладно, но юбка, конечно... Что у вас там будет?

– Да всякое такое... – В подробности Граня по-прежнему не хотела вдаваться. – Мама, ведь я некрасивая?

– Ты очень красивая!

– Собственные дети всегда кажутся красивыми! А объективно?!

– И объективно... – Мама сделала понимающее лицо.

– Мама, но я же толстая! – Из-за того, что мама отрицает очевидное, Граня всё-таки расплакалась.

– Да ты что, какая же ты толстая? – всплеснула руками мама.

– Толстая, толстая!

В этот момент открылась дверь, и в комнату заглянули две тётеньки.

– Нет же, Граня, нет! – воскликнула мама.

– А это что, не толстая? – Граня шлёпнула себя по бёдрам.

Мама кашлянула и хмыкнула. Да, в данный момент Граня привела неудачный пример – разглядеть толщину бёдер под юбкой-колокольчиком было невозможно.

Агриппина подняла голову и увидела, что тётеньки весело переглянулись. И благостные улыбки сменились на их лицах выражением типа «Эврика». В долю секунды Граня успела подумать: а что это они такое нашли, интересно? Но в этот момент одна из них – тоже критик, тоже детский – воскликнула:

– Ах, а вот ещё какая важная проблема подросткового возраста!

И всё стало понятно.

– Да, да, конечно! – закивала другая. И тут же подскочила к Агриппининой маме. – Маргарита, надо срочно вставить эту проблему в нашу анкету!

– Какую проблему? – повернулась к ней мама.

– Ну... – растерялась вторая тётенька. – Проблему лишнего веса... Вернее...

– Да какого ещё лишнего веса? – рявкнула мама: никто и не ожидал от неё такого, хотя женщиной она была очень эмоциональной. Но тут она просто удивила.

– Вот, Гранечка говорит, что она толстая... – пролепетала мамина коллега-критик. – Это её беспокоит... С лишним весом весь мир борется. Может, и подросткам это видится важной проблемой...

– Серьёзного человека такая проблема волновать не может! – Мама крикнула ещё громче и суровее. – Этот ваш «весь мир» полон других проблем!

– Но посмотри – она же плачет... – Вторая тётенька, которую Агриппина по имени не знала, развела руками. – А раз плачет, значит, это волнует. Это действительно проблема...

– Нет, Лиза, нет! – Мама двинулась на эту самую тётю, оказавшуюся Лизой. – Подростка с интеллектом это волновать не должно! Глупых цыпочек – да! Обывательниц – да! Пустых тусовщиц, потребительниц, которые целыми днями, открыв рот, бродят вдоль рядов торговых центров, лупятся в «Дом-2» и считают его эталоном, – вот их всех может. А мою девочку... Мою...

– Мама, ну что ты говоришь! – Агриппина рванулась к двери – срочно бежать вон, чтобы не слушать этого бреда!

Но её не пустили. Тётеньки загородили проход своими взрослыми крупными телами – ну как тут проскочить девочке, далеко не Дюймовочке?

– Подожди, Гранечка, объясни!

– Ну ты же не толстая!

– Граня, ты меня удивляешь!

Так закричали одновременно все три тётеньки. А мама ещё и схватила Агриппину за руку.

– Граня, девочка, чтобы я не думала о тебе плохо, чтобы не волновалась, ты давай-ка соберись, спокойно и обстоятельно ответь на вопросы – и иди по своим делам, – с дрожью в голосе попросила мама.

Критик и другой литературный работник шумно подхватили мамину просьбу, засуетились вокруг девочки. Запрыгали слова: «веротерпимость», «проблемы инвалидов», «педофилия», «гомосексуализм», «патриотизм», «подумай, Гранечка»...

А Граня неожиданно поняла: маме не так уж и важно, что она думает на самом деле. У неё есть концепция – и эту концепцию нужно во что бы то ни стало подтвердить примером. И чтобы этот пример обязательно исходил от этого самого подопытного «читателя-подростка», взволнованного проблемами. Вообще она, Граня, маму интересовала очень. А вот сейчас – сейчас маме хотелось, чтобы Граня была тем самым среднестатистическим подростком... В другой раз Агриппина с удовольствием бы маме подыграла. Сейчас же это было совершенно невозможно!

– Что тебя волнует?

– Волнует что?

– Какие проблемы нужно отразить?

– Какие для тебя самые важные?

– Какие?

– Какие?..

Сердце у Грани колотилось. Она смотрела на взбудораженных тётенок – все они казались ей некрасивыми, а мамина подруга-критик так особенно. Некрасивые – и неважно, зато умные, интеллигентные, о проблемах беспокоятся... Так чего же тогда ей, Агриппине, переживать по поводу собственного несовершенства?

Но переживать хотелось.

Не то что хотелось – оно само переживалось...

Кастинг начнётся через восемь минут.

– Проблемы какие волнуют, проблемы... – неожиданно среди этого гвалта шумно вздохнула Агриппина. – Больше всего меня волнует, какой я человек – если вы хотите знать. Что я собой представляю, на какие поступки я способна, какое впечатление произвожу. Именно Я! Я – саму себя больше всего интересую. А проблемы разводов, педофилия и прочая наркомания меня волнуют в самую последнюю очередь. Да! Вместе с проблемами субкультур и приёмных животных.

И пока подруги ошарашенно смотрели на девочку, мама протянула: «Что-о-о?» А Граня ещё и добавила:

– А ещё меня интересует – любят меня или нет. Сильно или не очень. Какое-то время будут любить – или всегда. Могу я кого-то любить – или это всё только привычка. И ещё я хочу делать то, что хочу! Вот!

Схватив со стола планшет, она сунула его в рюкзак, рюкзак закинула за спину – отчего вставленные в планшет наушники просвистели в воздухе и щёлкнулись о металлическую пряжку на юбке тёти Лизы-критика.

Рывком открыв дверь, Агриппина Градова зашагала в прихожую.

Мама бросилась следом.

– Я тебя люблю, Гранечка! – крикнула она.

Но девочка не отреагировала. Содрала с вешалки куртку, обулась и выскочила в подъезд.

Глава 2. Ну не шмогла я, не шмогла!..

Конечно, распечатка с адресом осталась дома. Конечно, пришлось заново начинать поиск – уже в планшетном компьютере. Всё это заняло время. Хорошо, что Граня помнила, какая станция метро нужна, и доехала до неё. Выйдя на улицу, она свернула в переулок, во двореке заметила скамейку, уселась, положила на колени планшетник и принялась искать.

Сцену, которая разыгралась дома, неприятные открытия и обиды она тоже постаралась забыть, как и ненужные разговоры о проблемах подростков, как и мамин гнев и заверение в любви. Только дело сейчас, только дело!

Но проблемы, которые обозначила мама, не хотели покидать Граню. Одновременно две – но в одной упаковке – тут же материализовались возле неё.

Проблема ксенофобии и педофилии – в лице немолодого, лет около тридцати, московско-кавказца – подседа на скамейку.

О том, что он участвует в возникновении прецедента проблемы педофилии, московско-кавказец честно мог и не знать (Граня явно казалась ему девушкой вполне взрослой), о проблеме же ксенофобии (если судить по свирепому, прямо-таки ненавидящему взгляду девушки, которую отвлекали от наиважнейшего дела) явно догадывался. Если ей мешали, так же свирепо Агриппина могла смотреть и на шатена славянской национальности, и на голубоглазого арийца. Главное – отстань, голубчик!!!

Но нынешний голубчик всё равно не уходил. Плёл махровую сетку завлекательно-восторженных слов, подсаживался всё ближе, пытался обнять...

Принц на белом коне не примчался, назойливого кавалера не отогнал за тёмные леса, за синие моря. Агриппина с облегчением вздохнула, наконец обнаружив то, что искала, сунула свой девайс в рюкзак и поднялась со скамейки.

Посмотрела в лицо приставучего типа, который, конечно, тут же тоже вскочил со скамейки. Причём Агриппине пришлось даже чуть вниз смотреть – мелковат соискатель любви оказался. И сказала:

– Дядя, меня зовут не Лолита. Я подросток, взволнованный проблемами педофилии и ксенофобии. У вас два варианта: или оставить меня в покое, или не оставить. Если будет выбран вариант «два», я немедленно начинаю привлекать внимание к одной из этих проблем. Это я умею. Так что уходите, пожалуйста. Договорились?

И ведь договорились. Хоть и не сразу, а уже на многолюдном бульваре, куда Агриппине, вышедшей из метро, как выяснилось, не на ту сторону, пришлось вернуться, дядя отстал. Хотя не сдавался и не оставлял попыток просто завести ни к чему не обязывающее знакомство. Но вид первого же полицейского, к которому с видом испуганного ребёнка дёрнулась Граня, привёл ухажёра к правильному пониманию ситуации. И дяденька растворился в толпе.

Мысленно благодаря маму за помощь – очень пригодились волшебные пугающие слова из её опросника! – Граня мчалась на кастинг.

Кажется, уже все сюжеты известных литературных произведений исчерпались, всё уже переделали, положили на музыку, оформили в виде танцев – а мюзиклы по-прежнему были нужны населению! Так возник мюзикл «Гильгамеш» – по мотивам шумерского эпоса про героя тамошних времён и народов Гильгамеша. Один человек взял эту историю и как можно динамичнее перекроил – так что получились затейные похождения любителя подвигов и приключений Гильгамеша и его сначала врага, а потом друга и даже брата Энкиду – персонажа, слепленного богами из глины.

Другой человек написал к этой истории музыку, третий поставил восхитительные танцы – ни на какие другие не похожие, как будто перенесённые из древнего шумеро-аккадского вави-

лонского мира. Декорации получились красивыми, костюмы необычными. Любовная интрига, которая в эпосе была довольно смазанной, стала яркой, появился треугольник и даже четырёхугольник. Причём могучий воин Гильгамеш и его побратим дикий человек Энкиду, а особенно повелитель бесценного ливанского кедрового леса Хумбаба, оказались развесёлыми комическими персонажами. Их сценки выкладывали в YouTube – и просмотры каждой зашкаливали уже за восемьсот тысяч! Ржака была на протяжении всего спектакля, и даже когда брат Энкиду умирал, он делал это с приколами и хохмами.

Спектакль вышел удивительный!

Граня смотрела его раз семь – один раз вживую, из зрительного зала, все остальные – в записи. Фанаты выложили в Интернете клавишник (И где только взяли? Вот уж действительно – информация в нашем мире просачивается молниеносно!), так что скоро Граня выучила все партии, все хоры и ансамбли. Хумбабу пел знаменитый комедийный актёр Бакин, который постоянно снимался в кино – и когда только успевал и сниматься, и играть? Гильгамеша исполнил тоже брутальный тип – давно заслуженный артист, черноглазый красавец с узким лицом неведомой национальности Артур Панкратов. А Энкиду играл совсем до этой поры не известный молодой актёр – и получился этот Энкиду такой славный, трогательный: этакий дурачок, который постепенно, под влиянием подосланной к нему блудницы вавилонской Шамхат, очеловечивается, учится носить одежду, общаться, умываться, еду не руками в рот запихивать... Фанатки и фанаты в Интернете чуть ли не до виртуального мордобоя спорили, кто из этих трёх богатырей лучше, у каждого персонажа появилась своя армия поклонников. После каждого спектакля проходил жесточайший разбор, вспоминались подмеченные недочёты в игре, пении и танцах, подсчитывалось, кому и сколько букетов поднесли, кому устроили персональную овацию, даже над чьими шутками и репризами громче смеялись.

Хотя всё это было, конечно же, попсня...

Но девы шестнадцати ветров пели так, что пробирало до самых печёнок. А когда бог этих шестнадцати ветров Энлиль – в исполнении ещё одного молодого красавца, похожего на эльфа, – исполнял сольную партию (когда предлагал богам не давать Гильгамешу бузить и крушить всё подряд на просторах страны) и хор подхватывал его арию, раскачивал, будто на легчайших крыльях ветра, – зрители просто впадали в транс...

И вот, как узнала Граня на фанатском сайте, где-то проскочила инфа, что какие-то в этом прекрасном хоре начались подвижки. Кого-то выгнали, кто-то уволился – да не один. Поэтому внимание-внимание, кастинг! Срочно добирают новых исполнительниц с первым сопрано!

Но инфа инфой – мало ли какой слух можно пустить, – но умная девочка Агриппина Градова добралась-таки до первоисточника: официального сайта проекта. Там, к сожалению, никакого объявления о дополнительном наборе не оказалось, но девочка отыскала на сайте несколько телефонов администрации. И – поскольку язык до Киева доведёт, а хорошо подвешенный доведёт ещё и с большим комфортом! – скоро она вышла на кастинг-менеджера, который хоть и торопился и явно разговаривать не хотел, однако подтвердил, что да, производится набор в вокальную группу первых сопрано. Прослушивание будет проходить тогда-то и там-то. Быстро буркнул название ДК и время, а также сообщил, что приходиться только с паспортом – граждан старше четырнадцати лет на работу они не принимают.

Всё.

Первым делом Агриппина хихикнула: значит, на афише стоит маркировка ограничения «16+», а на работу аж с четырнадцати лет принимают. Исполнять можно, смотреть нельзя. Цирк!

Но это был, конечно, не цирк, а мюзикл, и найти дорогу к его кастингу уже не составляло никакого труда.

Так что сейчас, не жалея ног, в узких сапогах на каблуках Граня летела к этому ДК – яркие огни которого уже показались, как только она завернула за угол.

Ну, последний рывок!

Из дверей по двое, по трое выходили люди. В основном девушки. И никто не входил. Что это значит? Закончилось? Так быстро?

Агриппина опоздала всего-то на полтора часа...

Или отменили? Всем спасибо – все свободны?

Лавируя между теми, кто шёл ей навстречу, Граня подскочила к стеклянной двери, рывком открыла её...

В фойе толпился народ. Много. Можно сказать, что очень много.

Но певицы ли всё это? Вон тот парень – почему он стоит разминается, растяжку вон начал делать. И ещё две мартышки шпагаты тянут об стенку. В лосинах, в балетках, в купальниках... И вправду цирк? Обманули Грушу-умнюшу?..

– Да погоди, остановись, нам же не туда – хореографическую группу в малом зале смотрят, а в большом вокал! – вдруг раздалось у Грани за спиной.

Девочка обернулась – и увидела, как парень в куртке, из-под которой торчали тощие ноги, обтянутые трико, схватил за руку невысокую стройную девушку, раскрасневшуюся, расстрёпанную. Видимо, она тоже принеслась сейчас на всех парусах, как и Граня.

– Ты очередь занял?

– Себе да. А тебе, это... Девочки отдельно... – пробормотал парень.

– Так ты мне не занял? Мы же ведь с тобой договорились... Час уже болтаешься здесь – и не догадался? – пошла в наступление на балеруна расстрёпанная девушка.

– Но для девушек же своя очередь... – Парень продолжал оправдываться, однако голос его звучал всё неувереннее.

– А ты что, не мог подойти к этой очереди, спросить: «Девчонки, кто последний?», а потом сказать, что вот тут моя девушка занимает, она скоро придёт. И всё! – как глупцу-молодцу, принялась объяснять только что прибывшая мадемуазель.

Танцор в обтекаемых штанишках совсем сник. Видимо, понял, что был неправ, сообразил, до чего же нетрудно на самом деле было догадаться и сделать так, как подруга сейчас ему объясняет.

Девушка утащила своего тюху-матюху к дверям малого зала, какое-то время слышался её резкий голос, но вскоре и голос, и сама эта парочка слились с общим гулом, закружились толпой.

Приободрившаяся Граня двинулась к дверям главного зала. Здесь публика оказалась исключительно женская. Разве что привлечённые красотой отдельных певиц крутились тут закоренелые дамские угодники из числа претендентов в танцоры.

Граня сумела найти конец своей очереди, узнала о порядках, о требованиях. Сколько человек планируют набрать, с какими особенностями голосов. А также кучу всего совершенно нового и интересного.

– Распевают под рояль, а потом включают «минусовку», – с видом знатока (такие всегда отыскиваются в любой очереди) изрекла взрослая рыжеватая девушка с огромными накладными ресницами.

– Откуда ты знаешь?

– Да я тут с самого начала стою! – сообщила девушка. – И два года назад на их кастинге была, когда только вообще проект открывался и они всех заново набирали.

– А тогда тоже сначала под рояль распевали?

– А трудно под их «минусовку» петь? – сыпались на неё вопросы.

– А если я слов ихних ещё не знаю – другое-то что-то они разрешат спеть?

– Сразу можно в тональность попасть?

– Так чего ж – не взяли тебя тогда?

Всезнающая девушка отвечала-отвечала, но на вопросе о том, что взяли её или нет, замолчала. Вздохнула – и принялась рассказывать о несправедливости и интригах, которые устроили ей, – ведь она мно-о-гих, о-очень многих на этом проекте знает. Там и во втором сопрано интриговали, и теноры, и даже из непоющей хореографической команды нашлись недоброжелатели, которые помогли закрыть ей дорогу к светлому искусству.

Агриппина постаралась абстрагироваться, чтобы не заполнять голову глупой, давно и хорошо известной чепухой, которую несёт каждая болтливая неудачница.

Вставила в одно ухо наушник (другое обязательно должно быть на макушке! Чтобы ничего не пропустить из происходящего!), нашла в своём девайсе файл с записью номеров, где участвует группа хора первого сопрано, и принялась в очередной раз прогонять партии вместе с ним. Беззвучно шевеля губами – как недавно папа в телевизоре (его голос тоже был тогда заблокирован этими же самыми наушниками).

Воспоминание о папе и вслед за ним подоспевшее воспоминание о маме, о тех дурацких проблемах, анкетах и прочей дуристике неприятно хлопнули девочке по кумполу.

А вслед за ними вспомнилась и главная жуть этого дня – понимание неизбежности в виде фамильной фигурной груши. И новое открытие себя. Здравствуй, дерево, здравствуй, груша...

Здравствуй, получается, и звёздная карьера в шоу-бизнесе... В смысле – здравствуй и прощай, так и не начавшись.

Агриппина принялась придирчиво разглядывать фигуры певиц. Пусть танцовщицы спокойно продолжают курить бамбук, а вот каковы же конкурентки?

Вот стоит натуральная каланча, вот булочка – румяная и сдобная, да ещё и с таким пронзительным сладким голосочком, только поросёночка в кукольном театре озвучивать! А верещит – не заткнёшь... Вот очень даже симпатичная – и лицом хороша, и фигурой стройна. И вот, и вот ещё какая – точно княгинюшка, ланитами румяна, бровями союза (как сказал бы приколист-папочка), лепота, лепота!

Глумиться, поддерживая в себе конкурентный позитив, Граня могла бы долго – но зачем? Да, красивых девчонок здесь и правда оказалось много. Если каждую обсмеять, меньше их всё равно не станет. Надеяться на то, что все красивые плохо поют? Допустим, по невероятной случайности так и произойдёт. Что это даст? А то, что будут выбирать певиц из некрасивых. И тогда окажется, что из всех некрасивых – она, да, точно, она, Агриппина Градова, будет тут САМОЙ КРАСИВОЙ! Самой сценичной, самой пластичной. Не говоря уже о том, что лучше всех поющей. Надо в себя верить. И точка.

Граня дома уже много раз репетировала. И пела, сопровождая себя на пианино по нотам распечатки скачанного из Интернета клавира. И, глядя в телевизор, где шла запись спектакля, пыталась разучить все несложные движения хоровой группы с самыми высокими голосами. У неё получалось, получалось, реально! И сейчас получится.

Получится.

Граня вставила второй наушник, полностью погрузившись в давно знакомую феерию...

Однако это не помешало ей заметить, что двери в зал открылись и выскочивший из-за них дяденька в пушистом свитере приглашает следующую претендентку.

Нет, двух следующих певиц! Причём, как услышала Граня, в зал он позвал не тех девушек, которые занимали очередь и должны согласно этой очереди сюда идти, а тех, на которых мужчина показал.

И пусть это оказалась не Граня, её воодушевление усилилось. Он выбрал одну высокую взрослую девицу – ей явно лет двадцать пять было, не меньше, и одну тоже высокую, но явно малолетку. Года на два максимум Агриппины постарше.

– Опять длинных наприглашал! – недовольно зашипели где-то далеко от Грани.

– Значит, им только высокие и нужны – кордебалет будет! – засмеялась кудрявая блондинка с большим ртом. Для вечного хохота, казалось, и предназначенным. Сама блондинка была средненькая – не большая, не маленькая. И хоррошенькая, забодай её комар (как любил папочка Гранин говаривать).

– Какой кордебалет – там нет кордебалета! – не поняла шутки многоволосая девушка-казашка. – Я месяц назад на спектакле была.

– А теперь будет, – улыбнулась блондиночка.

– Ай, а правда! – айкнула девушка с толстой нотной папкой в руках. – Новый состав – новые требования.

– Конечно – по росту подбирают, – подхватила ещё одна. – Нас тут вон сколько – вот и выберут одинаковых. Одинаковый рост, одинаковые голоса. На первые сопрано повыше ростом, на вторые пониже...

– На меццо-сопрано – карликов, а на контральто – гномиков! – хоррошенькая блондинка снова захохотала.

Все на миг замерли, сквозь её беззаботный хохот осмысливая возможность такого подбора.

Но затем первой опомнилась девушка с нотной папкой:

– Да нет там никаких меццо-сопрано! И контральто одно – у богини Иштар. А у всех остальных солисток лирико-драматические сопрано. А хор, а хор...

– Так если реструктуризация! – не сдавалась блондинка. – Всё если изменят, всё переделают. Их проект, они хозяева. Вон, какой серьёзный кастинг, – если бы надо пару-тройку новеньких на ввод найти, в два часа бы управились. Не-е-ет, кастинг не на шутку, многолюдный такой. А значит, и изменения серьёзные. И афиши не висят – заметили? Может, и ребрендинг они проведут – и название заменят, и имена героев, и вообще весь сюжет. А? Мало ли что?

Претендентки заволновались. Две, как отметила Агриппина, даже отбежали от основной толпы и скрылись за входной дверью. Видимо, совсем ушли. Это было Гране только на руку. Вот так удаляются конкурентки... Ну, что ещё такое пугающее блондинка сообщит?

– Мраморова, ты чего там сидишь? – раздался вдруг голос с другого конца фойе.

Девушки оглянулись на этот голос и увидели, как из-за прикрытого тяжёлой шторой служебного входа вышел ещё один мужчина – молодой и такой же, как и кудрявая блондинка, беспечно-весёлый.

– А мы тебя ждём, – продолжил мужчина и, остановившись среди толпы танцоров, замал руками блондинке. – Давай скорее, Тайка устала, теперь ты иди на сцену, подпой девчонкам.

Блондинка кивнула певичке с нотами, подмигнула Агриппине и умело просочилась среди плотно обступивших её девчонок, никого не задев.

«Выходит, это тоже певица была, – поняла Граня, – или даже артистка. Раз её на сцену зовут и подпеть предлагают. А кому подпеть? Наверняка тем, кто кастинг проходит. Да – значит, она точно из хора! Интересно, из какого?»

По обычному бытовому голосу отличить обладателя первого сопрано от второго сложно. Наверное, только большие специалисты умеют. Граня, сколько ни пыталась вспомнить голос кудрявой насмешницы, так и не вспомнила.

А сама девчонка ей очень понравилась – полная её, Гранина, противоположность. Эх, если бы удалось поступить на проект, если бы можно было с этой Мраморовой общаться...

Хотя, конечно, и без подружек на настоящей сцене было бы тоже очень и очень хорошо! Только бы... Только бы...

...Больше часа прошло до того момента, как Агриппина Градова оказалась наконец на сцене. Вместе с ней стояла незнакомая взрослая девушка – тоже совсем не та, за которой

Агриппина занимала очередь. Пушистосвитерный дядя просто подал руку ей, подал девушке, сказав: «Пойдёмте вы и вы». Подождал, пока они войдут, и закрыл за собой дверь.

По очереди они распелись, по очереди – сначала девушка Регана (вот так вот по-шекспировски её звали), потом Граня продемонстрировала диапазон, спев гамму до-мажор и арпеджио. Спели уже вдвоём гамму и арпеджио соль-мажор и ми-минор.

Им включили музыку из спектакля. Сначала вместе, а затем по отдельности они попытались исполнить вступление к первому хоровому номеру.

– Марта! Марфушка! На сцену скорей! – позвал кто-то из тёмного зала. Кто именно – Агриппине, стоящей в свете рампы, видно не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.